

Войдя в большую комнату, Вольдемар быстро прошагал на балкон и стал подробно осматривать укромные места.

— А это что за фанерное перекрытие? — Он постукал костяшкой указательного пальца по фанерному листу.

— Это вроде на случай пожарной безопасности, запасной выход между соседями. Но заколотили его. Кто фанерой, кто чем, короче.

— Смотрю, эта фанерка прямо на соплях держится, — колупнув пальцем гвоздик, сказал Вольдемар.

— Не трожь! И так все отвалится! — закричала Анна.

— Ладно, ладно. Я умываю руки. Но получается, чисто теоретически, что кто-то мог аккуратно отогнуть гвоздики и так же обратно загнуть.

— Как ты себе это представляешь? Допустим, этот кто-то проник через балкон соседа. А когда оно якобы выходило, то как оно само загнуло гвоздики с другой стороны?

— Тоже верно, хотя все может быть. Ты не возражаешь, я осмотрю комнату? Шкафы, полки?

— Осматривай, только не сломай ничего.

Пройдясь несколько раз по комнате, Вольдемар окинул взглядом несколько шкафов и полок. Осмотрев содержимое верхних отсеков, он не нашел ничего интересного, все какие-то книги, в основном дамские романы о страстной и пылкой любви, женские журнальчики, CD и DVD-диски, куча пестрого тряпья и почему-то чайный фарфоровый сервиз. Поняв, что он идет по ложному следу, Вольдемар спустился с небес на землю, присел на корточки и стал ползать по ковру в поисках чего-нибудь интересного. Тщательно простукивая пол сквозь ковровое покрытие, он залез руками под диван, но кроме огромных куч пыли ничего путного не нашел.

— Времени нет, чтобы сделать уборку, — улыбаясь, пожалла плечами Анна.

Тогда еще раз и более внимательно осмотрев ковер, Вольдемар нашел ярко-рыжий волос. Взяв двумя пальчиками тонкий волос, он поднес его к лицу Анны.

— Твой?! — подозрительно спросил Вольдемар.

— Ты слепой?! У меня светлые волосы вообще-то!

— Вижу, что не твои. Но, может, подкрасилась там... А подружки есть рыжие?

— Нет, таких подруг не имею. Пробовала краситься в рыжий, такой цвет мне не идет.

— Охотно верю, что не идет.

— Постой, постой...

— Стою.

— У моей покойной бабушки в молодости были ярко-рыжие волосы. Все сходится.

— Ты в своем уме?! Что сходится?

— Это бабушка мне является.

— Ладно, хватит на сегодня этой лирики. Ты не возражаешь, я этот шкаф осмотрю? — спросил Вольдемар, указав на шкаф в самом углу комнаты.

— Вообще-то это шкаф с инструментами мужа. Даже не знаю, — засомневалась Анна. — Хотя, думаю, ничего страшного не будет. Смотри.

В коридоре звякнули ключи, скрипнул замок. Вольдемар вопросительно посмотрел на хозяйку квартиры. Анна вышла из комнаты, через секунду раздались громкие возгласы:

— А, Максим! Это ты! Думала, ты на работе сегодня.

— Заткнись!

— Максим, ты чего?

— Вижу, какое к тебе привидение приходит!

— Макс, успокойся! Какая муха тебя укусила?

— Это чьи мужские ботинки в коридоре стоят? А?!

— Прекрати орать! Эта обувь одного моего товарища по институту.

— Ах, товарища! Который был в тебя влюблен на третьем курсе?! Вообще отлично!

— Максим, успокойся.

— Пока я на работе корячусь, деньги зарабатываю, ты к нам в дом мужиков водишь!

— Деньги... П-ф-ф-ф... — Анна машинально отмахнулась на фразу мужа про деньги, видно, финансовый разговор частенько всплывал в их семейных диалогах. — Деньги, — вновь саркастически добавила она.

— Да, деньги! Бесстыжая дрянь!

— Мало зарабатываешь.

— Ах, мало?! Я деньги не рисую!

— Уж лучше бы рисовал.

— Куда спрятала его?! Где этот любовник?

Максим вошел в комнату и обомлел от неожиданности. Двухметровый Вольдемар внаштал незнакомую опасность. Максим немного замялся, и казалось, что в данном эмоциональном поединке победа останется за Вольдемаром. Несмотря на всю коренатость, средний рост Максима не сулил большого преимущества. Но Вольдемар сам все испортил, раскрыв белозубый рот и широко сверкнув лучезарной улыбкой, и выдал всю интеллигентную сущность.

— Видите ли, Максим, — начал, слегка краснея, Вольдемар. — Вы не так все поняли. Просто смешно, ей-богу... Такая странная ситуация получилась.

Максим сообразил, с кем имеет дело, сделался психованным и заорал с утроенной силой:

— Вон отсюда!

— Максим, вы подождите, подождите... Не нервничайте. Давайте поговорим.

— Вон! Я сказал! — кричал Максим, топая ногами.

— Да, да... Все, ухожу, — пятился к двери Вольдемар.

Кое-как напялив ботинки и куртку, он даже не попрощался с Анной. Судя по аппетитному запаху, она жарила на кухне рыбу и забыла об институтском товарище. Вольдемар быстро вышел из квартиры и, не помня себя, спустился на первый этаж. Подъездная дверь распахнулась, он увидел перед собой странного человека: короткие выжженные волосы, высушенное лицо... Бледный взгляд пристально испепелял Вольдемара, просвечивая насквозь, будто рентгеновскими лучами. На странном человеке был черный балахон с длинной рясой, свисающей до бетонного пола. Человек в балахоне сделал шаг влево, показывая, что пропускает Вольдемара. Пулей вылетев из подъезда, Вольдемар сделал несколько глотков свежего морозного воздуха, тут же в него сверху полетела его меховая ушанка. Из открытой форточки донесся злобный крик Максима:

— Вали отсюда! Урод!

Подняв с белого снега ушанку и напялив набекрень головной убор, Вольдемар побрел в сторону остановки. Дул сильный ветер, огромными хлопьями валил снег,

создавая непроходимые сугробы. Снежные препятствия наутро станут причиной множественных автомобильных пробок, а как следствие — и массовых опозданий на работу по причине известной древнерусской проблемы несовершенных дорог.

Сбавив шаг, Вольдемар засмотрелся на ветку. На секунду время остановилось, одиноко свистела вьюга... Свист постепенно рассеялся, и в воздухе повисла тишина. Ветка на дереве зашевелилась, скукожилась, побелела, затем почернела, закаркала, превратилась в ворону и улетела вдаль. Умывшись холодным снегом, Вольдемар освежил сознание, похлопал себя по щекам, потряс головой. Замутненность постепенно стала ослабевать, но не до конца. В голове то и дело всплывал разъяренный образ Максима... «Не очень понятно, зачем меня Аня пригласила к себе домой. Что она хотела? А может, я ей нравлюсь? Но ведь она замужем. Черт голову сломит, что у этих женщин в голове. Хотя... Подождите, подождите!» Вольдемар ударил себя ладонью по лбу и вспомнил один случай из студенческой жизни, когда они студентами играли в КВН и ездили огромной институтской командой в город Сочи на молодежный фестиваль. В гостинице, где они жили, произошел интересный эпизод, связанный с Анной.

ГЛАВА 5. ГЛЮКООБРАЗНОСТЬ

Вжав голову в плечи и пытаясь спрятаться от противного студеного ветра, Вольдемар доковылял до автобусной остановки. Присев на скамейку под козырек остановки, он чуть не заснул. Поздний вечер плавно переходил в морозную ночь. Из головы никак не выходил случай, произошедший в Сочи.

Студенческой командой с гротескным названием «Гаргантюа и Пантагрюэль» они прилетели в южный город Сочи — выступать на фестивале КВН. Поселились в недорогой гостинице на окраине города. Номера выделили по половому признаку: девочки отдельно, мальчики налево. Закипели бурные репетиции... Казалась, обычная рядовая поездка, коих было десятки за годы учебы в институте. Многочасовые репетиции, ночные пьянки, недосыпание, внутренние недомогания и в результате здоровый юношеский максимализм! Но как-то вечером произошло странное событие.

Они дружной компанией собрались в одном номере. Выпили немного виски и коньяка. В отличие от других, Аня не любила смешивать... Она сказала, что плохо себя чувствует, и решила покинуть гулянку. Отправившись к себе в номер, а время было примерно три часа ночи, она завизжала на весь коридор, а затем, судя по звуку, шандарахнулась в обморок. На визжание сбежался весь третий этаж гостиницы, где проживали

бодрствующие студенты. Анне оказали первую помощь, поднесли стакан водки. Заместитель проректора Лиза Старостина сказала командным голосом: «Вы что, совсем, дурачки противные?! Убрать немедленно!» Она слегка ударила несколько раз бледную Аню ладонью по щекам, та очухалась, тут и подоспел полусонный персонал гостиницы. Разобравшись, в чем причина столь позднего крика, персонал удалился, а все остальные стали разбредаться по своим номерам.

На следующий день, после очередной репетиции, они вышли с Лизой Старостиной выкурить одну сигарету на двоих... У Лизы зазвонил телефон, и Вольдемар стал свидетелем неожиданного разговора. Звонила Анина мама. Суть разговора сводилась к следующему: «Мол, не волнуйтесь, у Ани все хорошо. Просто неожиданно закружилась голова. Возможно, от любви, с кем не бывает». Но мама утверждала обратное: «У Ани подобные случаи наблюдаются не первый раз». Оказывается, Аня иногда ходит во сне, и школьный психолог, когда Аня училась в десятом классе, наблюдала у нее первичные признаки шизофрении, но диагноз не подтвердился.

Вольдемара разбудил оглушительный силы толчок, а затем грохот. Открыв глаза, он увидел, как ржавая «копейка» врезалась в бок остановки. Из «копейки» вылезли люди «кавказской» национальности и запричитали на своем местном диалекте. К остановке подъехал небольшой автобус. Вольдемар сел в дребезжащую «буханку» и вновь погрузился в сон.

Они заходят с Аней в столовую, ей не хватает двадцать рублей на кофе с булочкой. Он покупает ей шоколадку, они держат перед собой подносы с обедом, долго выбирают свободный столик, куда можно присесть. В результате нашелся один свободный столик в самом углу, залитый липким компотом, но тут не до VIP-сервиса и пятизвездочного обслуживания. Быстро поглощая пищу, они успевают обсудить актуальные мировые новости: смерть Ельцина, бомбардировки Ирака, курс доллара... Звенит протяжный звонок, извещающий о конце большой перемены и означающий начало новой пары. Вольдемар, относя подносы с пустой посудой, делает очередной комплимент Ане и говорит, какие красивые у глаза. И они бегут на лекции, каждый на свою, согласно выбранной специальности.

* * *

Преподаватель косолапо ходил по аудитории и читал лекцию. Студенты с неохотой слушали научно-интеллигентский бред и делали для себя выводы.

— Советский Союз — самое ужасное изобретение человечества. Давайте поделимся на сто маленьких

Швейцарий! Зачем нужна эта огромная квашня? — Голос преподавателя был бодр и сверкал оттенками западной пропаганды. — Кому от этого легче? Вот, например, были в СССР инженеры... Что работой — зарплата сто двадцать рублей, что не работой — никакой разницы, те же сто двадцать рублей.

Глупость лектора зашкаливала настолько, что он сам не понимал, что олицетворяет своими действиями тот самый «совок». Чтобы сдать экзамен по литературе у этого преподавателя, необязательно было читать все в полном объеме. Доходило даже до смешного. Те, кто читал учебник целиком, получали на экзамене тройки. А те, кто полистал на досуге краткое содержание, — твердую пять. Но были и такие, кто не удосуживался прочитать вообще ничего, они тогда просто давали ему взятку... Все довольны. Красота — и никакой уголовной ответственности! Скрипнув дверью, Вольдемар на цыпочках вошел в аудиторию и присел рядом с одноклассником Веревкиным. Преподаватель косо посмотрел на опоздавшего студента и продолжил лекцию:

— Кто-то хвалит, кто-то ругает последний роман Захара Прилепина «Обитель». Несмотря на то, что я читал практически всю прозу Прилепина и даже был реально очарован его биографией — филфак, война в Чечне, огромная семья, жена, дети, домик в деревне, — роман «Обитель» читать не буду, по крайней мере в ближайшее время точно. И вам не советую. Очень у меня много внутренних вопросов к автору. Со многим я не согласен. Прилепин говорит, надо обязательно, обязательно читать и интересоваться современной литературой. Дальше он говорит, представляете, люди жили во времена Достоевского и не читали самого Федора Михайловича, а читали одного Карамзина. Темнота!

Дурачок Захар не понимает, что литература — как хорошее вино, и должно пройти время, чтобы мы смогли оценить изысканность данного продукта. Должен произойти естественный отбор, вроде фильтра. Цензура времени все расставит на места, отодвинет на задний план писателя Гаршина и выведет вперед Достоевского. Захар также утверждает — пускай он сейчас меньше зарабатывает, чем Акунин и Донцова, пускай у него меньше тиражи, — что он войдет на века в историю литературы в качестве классика, а Акунин и Донцова, увы, нет. Это все не так. Русской классической литературе от силы двести пятьдесят лет. Не берем сейчас в расчет древнерусскую литературу, это совершенно отдельный культурный пласт. В итоге то, что сейчас вошло в состав русской классической прозы, — чистой воды вкусовщина! Многие сильные писатели того времени остались за бортом — просто так сложились обстоятельства — и не попали в школьную программу, при всем уважении к нашим бородатым классикам. Книга,

которая пережила тысячу лет, — это памятник. Князья на Руси платили татаро-монголам дань, но поскольку татаро-монголы не были книжной нацией, они забирали только те книги, которые были украшены драгоценными камнями, а обычные книги они просто сжигали. «А на фиг они нужны обычные?!» — думали татаро-монголы. Прошу не забывать, книгопечатания на тот момент не было. Иван Федоров в тысяча пятьсот шестьдесят четвертом году повелением Ивана Грозного выпустит первое печатное издание. А до этого книги переписывались от руки. И многие книги были в одном, максимум двух экземплярах. Если два экземпляра — это уже бестселлер. Представляете, сидит такой древнерусский писатель и размышляет: зато на века творю, войду в историю. А тут бац! Пришли татаро-монголы — и никто никуда не вошел. Так что у Донцовой чисто теоретически больше шансов войти в историю, чем у Прилепина. Суммарный тираж всех ее книг — восемнадцать миллионов экземпляров! Шансов, что хоть что-то останется, согласитесь, гораздо больше. И таких претензий у меня к Прилепину много. Писатель Владимир Набоков был помолвлен со Светланой Зиверт, но помолвка была расторгнута семьей невесты, поскольку Набоков не смог найти постоянную работу. Но не будем о грустном, теперь о хорошем. У Прилепина есть несколько шикарных рассказов, среди них — «Смертная деревяня», «Сержант» и «Допрос». Всем рекомендую! Он открыл читательским массам писателя Леонида Леонова. Еще отдельный респект и уважуха: Захар человек без понтов и спокойно отвечает на сообщения в социальных сетях. К слову, Михаил Козырев с оппозиционного телеканала «Дождь», «гнусный либерал», никогда этого не делает. Конечно, куда нам, простым смертным, до него... Ведь человек может реализовать свои способности, лишь действуя на поприще, отвечающем потребностям натуры. «Евровидение» — это такие особенности карнавальная культура, если верить философу Бахтину. А наука Кончиты Вурст — это способ удовлетворить свое любопытство за счет государства.

Пространство аудитории стало приобретать искаженные черты. Прямоугольные парты превратились в галлюциногенные параллелограммы. Силуэт преподавателя постепенно растворялся в воздухе и становился размытым. За его спиной висели портреты русских писателей. Лауреаты Нобелевской премии по литературе: Бунин, Пастернак, Шолохов, Солженицын, Бродский. Вместо портретов появились телевизионные помехи: рябь, шипящие звуки, белый шум. Экран трещал и хаотично гудел, коверкая реальность. Из размытого силуэта исходил голос:

— Но знаете ли вы, что Нестор написал «Повесть временных лет» по приказу игумена Иоанна. Дело было

в Киево-Печерском монастыре было много монахов, но игумен Иоанн выбрал почему-то Нестора. Вызывает к себе игумен Иоанн монаха Нестора и говорит: «Напиши житие первых святых Бориса и Глеба». Нестор отвечает: «Д я как-то не пробовал раньше писать... Я не умею» Игумен Иоанн продолжает: «А я тебя не спрашиваю, умеешь ты или не умеешь. Если не можешь, иди молись. Плохо молишься, раз тебе не пишется. Все! Ничего невозможного нет для тех, кто молится».

Силуэт приобрел грубые очертания бандюка из лихих девяностых: кожаная куртка, короткая стрижка, спортивные треники с тремя белыми полосками. Агрессивно настроенный браток нацелился на Вольдемара, держа в руках автомат Калашникова, и нажал на курок.

— Молодой человек, молодой человек!

Кто-то тормошил Вольдемара за плечо.

Подняв голову и продрвав глаза, Вольдемар увидел злобную бабку.

— Молодой человек! К вам обращаюсь. Разлегся тут.

— А вы кто?

— Серез, ты посмотри на него. — Бабка повернула голову в сторону кабины водителя, а затем опять уставилась испепеляющим взглядом на Вольдемара. — Молодой человек, вы с какой луны сюда свалились?!

Водитель выкрикнул несколько нецензурных выражений.

— Во-во! Серез, дело говоришь. — Бабка соглашалась с ядреными высказываниями водителя Сергея.

— А? Как же это? А? Что происходит?!

— Хватит кобениться, пассажир! Выходим! — Старая кондукторша ударила молодого пассажира ридикиюлем в плечо.

— Так... Подождите минуточку. Я хоть в себя малость приду.

— Оглох ты, али что?! Выходим, говорю!

— Конечно, конечно... Извините, — сказал Вольдемар, поняв, в чем дело.

— Конечная давно! А вы все дрыхните. Здесь вам не гостиница, а конечная остановка. Серез, ты посмотри на него!

Водитель опять выкрикнул несколько забористых афоризмов, сдобрив их отборным трехэтажным матом.

— Да понял я, — огрызнулся Вольдемар, торопливо пробираясь полубоком вдоль автобусных сидений к выходу.

На маленьком экранчике, висевшем прямо посередине салона, шел без звука музыкальный клип группы «25/17» (саундтрек к фильму «Восьмерка»).

— Вообще не пойми какой пассажир пошел, — гаркнула кондукторша.

Вольдемар вышел на автобусный перрон. Ярко-красными буквами горела вывеска «Автовокзал».

Голушкин». Крупный циферблат показывал 23:45. Общественный транспорт не ходит. Новый указ мэра Лебедкина. Весь городской транспорт внутри города должен ходить максимум до 22:00 в целях экономии. А кому не нравится, может ездить на такси! Зато сам сердобольный и экономный мэр купил себе недавно двухэтажную виллу в Италии, видимо, хорошо сэкономил. Разумеется, на собственном личном бюджете, а деньги налогоплательщиков тут вообще ни при чем.

Вольдемар посмотрел на звездное морозное небо и побрел пешком по молодому липкому снегу в сторону своего дома. Идти предстояло минут сорок. Метель закончилась, безветренный ночной город, утомившись от шума людей, спокойно сверкал огнями.

Вольдемар дошел до перекрестка на улице Ленина, и тут его посетила гнетущая мысль. На мгновение испугавшись собственных рассуждений, он произнес дрожащим голосом:

— А если это Максим?

ГЛАВА 6. ШКОЛЬНЫЕ ИСТОРИИ

А если это Максим? А почему нет? Взгляд у него и правда бешеный. Маньячный! Хочет облапошить Аню. Нет, они вроде давно вместе. Тогда откуда ей мерещатся всякие бабки на пару с привидениями?! Да и зачем Максиму это нужно? Для чего? А может...

Ненависть — обратная сторона любви. Нет, это не он. Не верю. Хотя, блин! А если это все-таки его коварный план? Еще и этот мужик в балахоне на выходе из подъезда. Что он там делал? Вид у него и прям утрашающий, будто не живой. Тьфу ты! Теперь вообще сомневаюсь! Что я там видел? Галлюцинации, фантазии, бредни... Наверное, померещилось. Не видел я в подъезде никого. Значит, остается один Максим, больше никому. Ревнивый засранец!

Мысль о подозрениях не отпускала Вольдемара на протяжении всего пути до дома. Войдя в квартиру, весь прозябший и чертовски голодный, он стащил с себя ботинки и рухнул на диван прямо в одежде, заснув мертвецким сном. Одноногий фонарь за окном мрачно освещал пустынную улицу.

На следующий день Вольдемар решил во что бы то ни стало увидеть Анну: появились кое-какие мысли, которые ему нужно обязательно проверить. Но чтобы вновь не наткнуться на крикливого мужа, он решил дождаться ее после работы.

Охранник в школе переписал паспортные данные Вольдемара и разрешил ему дождаться учительницу Анну Витальевну в фойе. Бродя в одиночестве по фойе

и прокручивая в голове строчки Бродского, он услышал оклик гардеробщицы:

— Милок, ты чего здесь? Вторая смена отучилась давно! Ходишь, ходишь... Весь размордевший, глаза ермолишь.

Вольдемар подошел к гардеробщице. Она, скособочившись, сидела на покосившемся стуле, укутавшись в черную спецовку.

— Как кончились? — развел руками Вольдемар. — А как же Анна Витальевна?

— А? — переспросила гардеробщица.

— Говорю, а где же тогда Анна Витальевна?

— Какая Анна Витальевна?

— Ну, Анна Витальевна. Учительница по английскому.

— А-а-а... Анька, што ли?

— Ну да, она.

— У них там педсовет какой-то. — Гардеробщица взглянула на часы. — Щас закончиться должен.

— Ну я подожду тогда?

— Жди, мне-то што... А ты кто ей будешь? Ухажер, што ль?

— Да не. Просто знакомый, — смутился Вольдемар.

— Знакомый, говоришь. — Гардеробщица подозрительно осмотрела Вольдемара с ног до головы. — Так, так, так... Знакомый.

— Мы просто давно дружим. Вместе учились... У Ани сейчас проблемы.

— Ты муж Максим, што ль?! — испуганно крикнула гардеробщица и чуть не подпрыгнула до потолка на своем стуле.

— А похож? — Вольдемар сделал шаг вперед в сторону гардеробщицы.

Ошеломленная гардеробщица раскрыла рот и, заикаясь, произнесла:

— И-и-изменился как! Совсем другой стал. Не узнать.

— Конечно, не узнать, потому что я не Максим.

— Ах ты, черт! — Гардеробщица огрела Вольдемара мокрой половой тряпкой. — Бесстыжая твоя рожа! Я што, с тобой тут в игрушки играю?! Ирод ты окаянный! Сгнуть бы тебе до рождения!

— Вы что?! Совсем...

— Молчи, злыдень! Господь тебя накажет, он тебе скрючит подлого! — верещала она, присматриваясь к незнакомцу и щуя глаза. — Господи... Илья-пророк... Великомученица Варвара...

— Вы что! Совсем обалдели? Что вам такого сделал этот Максим? Вы так на любого незнакомца кидаетесь с мокрой тряпкой?!

Вольдемар приблизительно догадывался, чем мог отличаться этот Максим. Но вопрос все равно задал. Интересно все-таки вывести его на чистую воду, узнать

про него как можно больше от третьих лиц. Что он за супец? Много в нем подозрительного...

— Максим? Ой, господи! — Гардеробщица перекрестилась. — Думала, меня из этой школы вынесут вперед ногами. Не доработаю до пенсии, когда учился этот Максим. Изверг, а не ребенок.

— А что такое?

— Так он три раза на учете в милиции состоял! Сколько денег он из школьной раздевалки переворовал. Сколько стекол побил... Уй! — Гардеробщица, вздыхая, махнула рукой. — А в карты, в карты он играл. Шулер! Бывает, чуть ли не до трусов разденет нашего завхоза Петровича. А тот дурак, обожрется косорыловки — и давай с ним наяривать. Глядишь, и Максиму стакан нальет. А тот и рад выпить, раз наливают. А все из-за чего?

— Из-за чего?

— Из-за неблагополучной семьи. Вот... У Максима родители кто? Такие же алкаши и пьяницы. Так откуда же, спрашивается, возьмется нормальный ребенок?! Шиш! Сколько раз к ним приходили из органов соцопеки, даже хотели родительских прав решить. Суды, комиссии... Ой, чо было, чо было...

— Ничего себе, — удивленно качал головой Вольдемар.

— Что ты! Такое было... — Гардеробщица отмахнулась и принялась рассказывать с утроенной силой. — А еще, не помню, говорила я тебе или нет, этот Максим попал в какой-то наркоманский притон, проигрался вдрызг в карты! Сюда, в школу, приходили какие-то бандиты! Пальцы в наколках, лица такие обожженные... Со шрамами! Искали его, Максима! Пришлось даже милицию вызывать. Бес живой, а не ребенок.

— Ого...

— Вечно этот Максим ходит неряшливый. В рваных кроссовках, нестираный... Противно смотреть! Но на лицо симпатичный, собака! Тут уж, как говорится, приroda. Это не пропьешь.

— А наркотики Максим употреблял? Или был как-то связан?

— А вот энтаго не знаю. Вроде нет, ничего такого не видала. А на лицо он уж очень симпатичный.

— Лицо-то оно лицом, — забубнил Вольдемар. — Но с лица воду не пить. Одним лицом сыт не будешь. Ладно она, девка глупая. От смазливой мордашки крышу снесло. Но куда родители смотрели, родственники?

— Так я и тебе про то же! — не унималась гардеробщица. — Как Анька за него замуж вышла, ума не приложу! Ведь права была покойница бабушка, царствие ей небесное, упокой Господь ей душу. Говорила она ей: Аня, что ты делаешь... Анька ей в ответ: люблю его, и все. Точка!

— А вы знали покойную бабушку?

— О-о-о! Знала ли я? Так мы с Тамарой Леонидовной пятнадцать лет дружили. Упокой Господь ей душу. — Гардеробщица опять перекрестилась. — Она прям так и сказала: если Анька за этого рецидивиста замуж выйдет, то прокляну ее, так и знайте.

— И что же? — спросил Вольдемар. — Прокляла?

— Уж не знаю точно, прокляла она кого или не прокляла. Но то, что она на свадьбу к ним не пришла, факт. Уж как они звали, как уговаривали! Нет, говорит. Не пойду. Черт возьми эту родню!

— Очень интересно вы рассказываете. Правда.

— А многие, знаешь, поговаривают, что она перед самой смертью прокляла брак. Да, точно. — Почуввав искреннюю заинтересованность собеседника, гардеробщица перешла на откровенный шепот. — Прямо так и сказала: будь проклят этот брак между Максимом и Анной, проклиная. А потом и сама тью-тью...

— А как умерла Тамара Леонидовна?

— Э-э-э... Умерла-то... Точно не знаю всех подробностей. Но вроде, говорят, от инфаркта. Сердце у нее шалило. Но думаю, дело здесь нечисто.

— Это еще почему?

— Да жаловалась в последнее время Тамарка, призрак у нее в квартире завелся.

Вольдемар напрягся.

— Я ей, значит, и говорю. Опомнись, Тома! Ну какие призраки! А она и говорит: из шкафа прямо голоса доносятся. Ночью все шебуршит, спать спокойно не могу. Всю ночь покою нету.

Вольдемара осенило! Опять шкаф! Что-то не так с этим шкафом. Надо точно дожидаться Анну, чтобы его досконально осмотреть. В пресловутом шкафу и кроется секрет разгадки бабкиного привидения.

— Ну, думаю про себя, совсем подруга чеканулась... С ума Тамарка сошла! Свят-свят-свят...

— А родители Анны? Вы их знали? Почему они не воспрепятствовали замужеству с Максимом?

— А родителей и нет у Анны.

— Да вы что?!

— А ты не знал? Мамка у ней Татьяна от рака померла. А отца и не было никогда. Танька одна ее воспитывала. Еще и Тамарка помогала, конечно... Хорошая выросла девка!

— А давно у Анны умерла мать?

— Так прям перед Анькиной свадьбой... Но она давно болела.

— То есть это не связано со свадьбой? Как вы думаете?

— Да не... Я же говорю, давно болела. Месяцем раньше, месяцем позже... А свадьба здесь ни при чем.

— Прощу прощения, скажите, пожалуйста, как вас зовут?

Гардеробщица с прищуром посмотрела на любопытного незнакомца и подозрительно ответила:

— Надежда Викторовна.

— Надежда Викторовна, — Вольдемар обворожительно улыбнулся, — а вот вы как сами думаете? Было ли на самом деле привидение?

— Ой, прям не знаю.

— Ну а все-таки?

— Знаешь, всякое в жизни бывает. Вот у меня в детстве был случай. Никогда его не забуду. Жили мы тогда в деревне. Семеро нас было у матери. И решили мы устроить гадание на Ивана Купалу. Нашли в заброшенной сельской библиотеке какую-то оккультную книгу. Дождались вечера... И в доме у одной подружки начертили магические символы на зеркале угольной сажей. Было нас пятеро девочек, да и еще старшая сестра одной из подружек. Шестеро получается. Прилепили на зеркало карту с изображением пиковой дамы, взяли из игральной колоды. А! Забыла еще сказать! Перед этим подружкина сестра, старшая-то которая, сходила, значит, в церковь к местному дьячку, чтобы перевел он ей, чего в этой оккультной книге написано. Книга-то на старославянском языке. Дьячок как открыл, перелистал книгу, да как стал на девку орать! Грех, говорит. на душу взять хотите, и меня за собой уволочь! Девка та красоты была необыкновенной, поманила ласкою дьячка. Тут он и не выдержал, поддался на плотское искушение. Перевел он девке заклинания из книги, переписал ей в отдельную тетрадку карандашом. Как это шас говорят, транскрибация? Ну на слух, как это звуки читаются? Транс... Крыбц.

— Транскрипция? — подсказал Вольдемар.

— О, точно! Транкрыбция! — подхватила гардеробщица. — Вот он переписал ей эту транскрибцию. Как это все правильно читается... А вечером собрались мы, задернули занавесочки в доме. Зажгли свечи. И давай вслух одновременно хором в комнате эти заклинания читать. Напротив зеркала с пиковой дамой. Она почему-то в гаданиях звалась Акулина.

— И дальше что?

— Подул ветер. Да не ветер! Ураганище! Гром, молнии... Мы, естественно, разбежались по домам, благо

жили друг от дружки недалеко. Всю ночь лил ливень. Ой, да такой! Капли с размером с яблоко. — Гардеробщица подняла указательный палец вверх. — А наутро нашли сестру-то, которая у дьячка заклинания переводила, в постели своей, она лежала, задушенная на смерть. А потом и дьячка нашли, тоже мертвого, повесился он. Вот и думай теперь сам. Бывают привидения аль не бывают. — Гардеробщица мистически ухмыльнулась. — Мне вот лично на всю жизнь хватило, до сих пор помню. — Она вновь перекрестилась.

— Сказки какие-то! — пытался отшучиваться Вольдемар.

— Ха! Сказки! Истинную правду тебе говорю. Так и было на самом деле.

— Хе!

— Хошь верь, а хошь не верь... А вот еще со мной один случай был...

— Вольдемар, а ты чего здесь делаешь? — спросила Анна.

Вольдемар аж вздрогнул от испуга. Гардеробщица рассмеялась и чуть в очередной раз не свалилась со стула.

Вольдемар обернулся и увидел перед собой Анну. В симпатичной шубке, светлые пшеничные волосы, модные джинсы, аккуратно заправленные в длинные сапоги. Перед ним предстала совсем другая Аня, не та, которую он встретил в торговом центре, затюканная жизнью и мужем, серая мышка. Анна Витальевна, сильная, волевая женщина. Олицетворяющая успех и счастье.

— Вольдемар, ты слышишь меня?

Вольдемар заворуженно хлопал глазами.

— Говорю, ты чего здесь? К нам в школу на работу решил устраиваться?

— А, да нет. — Вольдемар замаялся. — Просто, это... Нам надо поговорить. Если...

— Ну пошли, поговорим, — перебила Анна. — Сумки мои возьми, а то мне тяжело сегодня. — Она протянула Бархоткину большой пакет с ручками.

Вольдемар взял у Анны огромные сумки и, как верный рыцарь, стал ждать дальнейших указаний.

Продолжение следует.

